

Жизнь Джеймса перевернулась с ног на голову.

Сильнее всего это ударило по его режиму. Клуб открывал двери только поздним вечером, поэтому репетиции и учебу пришлось перенести на день, а ночь целиком отдавать работе.

Ланс так и остался хозяйничать в съёмной лачуге Болдуина, нагло приватизировав его единственную кровать. Тео время от времени тоже заявлялся туда и составлял Болдуину компанию на полу.

Джеймсу в очередной раз пришлось соврать семье. На этот раз он наплел, будто его перевели на ночные дежурства в автомастерскую.

Старый Джон и Линд отнеслись к этой басне со здоровым скептицизмом, но расспросами донимать не стали.

Впрочем, самого Джеймса это мало заботило — его разум окончательно пленил слепящий блеск рампы. Куда-то испарилась бывшая нерешительность, с которой он когда-то уступал уговорам Ангела. Теперь, едва продрал глаза, он первым делом мчался к ребятам. Его захватил этот безумный круговорот: бесконечные репетиции, терпкий яблочный сидр, споры до хрипоты над новыми пластинками и, наконец, вечерние выходы на сцену под шквал восторженных аплодисментов.

Выступления в клубе выжимали из них все соки.

Работа начиналась с открытием заведения и заканчивалась лишь под утро — семь, а то и восемь часов бешеного темпа. Иногда, правда, на сцену выпускали кого-нибудь на разогрев или для короткого перекура, но в остальное время пахать приходилось без роздыху. Нагрузки были адскими.

Хозяин клуба, господин Дуайт, в сущности, не был законченным мерзавцем. Но, как и любой делец, жаждущий наживы, он обладал безошибочным чутьем эксплуататора. Завидев, что зал ломится от публики, он влетал в гримерку и, точно наседка, гнал уставших музыкантов обратно на сцену. И плевать ему было, что они выглядели жалкими и беззащитными, что Ланс не успел залакировать начес, а Джеймс давился недоеденным сэндвичем...

— Играй! Песню! Давай! — ревела толпа, содрогаясь под хаотичными всполохами прожекторов.

В такие секунды Джеймс инстинктивно жмурился от бьющего в лицо света, теряясь во времени и пространстве.

Но стоило пальцам Ланса коснуться струн, как над залом разливался уверенный, гипнотический гитарный перебор. Его безупречная, хладнокровная манера игры действовала

отрезвляюще, рассеивая любой хаос. Это был их маяк в душном клубном полумраке. Вслед за гитарой послушно вступал бас, взрывались барабаны, и Джеймс подхватывал ритм голосом. Все вставало на свои места, и шоу продолжалось.

Однако такое ровное и предсказуемое исполнение вовсе не устраивало Дуайта.

— Вы должны воевать с толпой, — наставлял он их за кулисами. — Ведите себя как гребаные рок-звезды! Покорите их, подчините своей воле. Пусть они ревут от восторга, рыдают, сходят по вам с ума! Раскрепоститесь наконец. Рок-н-ролл — это секс, от него кровь должна бурлить в жилах. Так что поднажмите, добавьте дикости! Хватит жаться, точно примерные школьники у доски, торгуйте харизмой! Если парни в зале не мечтают быть вами, а девчонки не хотят с вами трахнуться, то какого черта вы вообще выползли на эту сцену?

От такой прямоты Джеймс густо покраснел до ушей.

Но в циничных словах дельца крылась сермяжная правда, над которой стоило задуматься.

В итоге парни решились на перемены. На очередных концертах каждый пытался добавить в свое выступление долю эпатажа и заигрывания с залом. К счастью, плотный график давал им идеальный полигон для испытаний: они могли экспериментировать от сета к сету, мгновенно считывая реакцию толпы и отсекая лишнее.

Музыканты проявили поразительное упрямство. Никто не ныл, никто не сачковал — каждый выкладывался без остатка. Неудивительно, что их мастерство росло с космической скоростью.

Вот только платить за это приходилось колоссальным нервным истощением.

Публика приходила сюда выпить, потанцевать и снять кого-нибудь на ночь — оттянувшись пару часов, они спокойно уваливали домой. Группа же была обязана держать марку от звонка до звонка, взвинчивая себя до предела, чтобы поддерживать градус безумия в зале.

Частенько после финального аккорда у них не оставалось сил даже дойти до дома. Они так и засыпали в гримерке, повалившись друг на друга мертвецким сном.

А посреди ночи просыпались от дикого спазма в животе: после многочасового марафона без крошки во рту их желудки буквально сходили с ума от голода.

Кто-то из великих рок-музыкантов однажды заметил, что без суровой закалки в прокуренных кабаках и злачных притонах настоящей банды не выйдет. Доля преувеличения тут, конечно, была, но то, что подобный хаос выковывает характер — неоспоримый факт.

Пьяные дебоши, например, были делом житейским. Как ни старались вышибалы держать марку, разогретые алкоголем маргиналы то и дело норовили запустить на сцену пивной

бутылкой, грязным ботинком или сорванной рубахой. Обычные будни андеграунда. Большинство, к слову, делало это без злобы — просто от избытка адреналина, не зная, куда девать распирающие эмоции.

В первый раз, когда в их сторону полетел снаряд, Тео с непривычки дернулся и смазал ноту. Группа сбилась с ритма, песня захлебнулась и затихла.

Однако господина Дуайта это ничуть не смутило. Он принялся скакать у кромки сцены, размахивая ручищами точно орангутанг, и орать во всю глотку:

— Вы че, блядь, уснули там?! Играйте дальше! Живее!

Музыканты переглянулись и, подавив дрожь в коленях, заиграли снова.

Позже Дуайт со смехом издевался над их паникой:

— Ну вы и девки кисейные! Тоже мне, испугались. Настоящий артист должен пилить соло, даже если вокруг свистят пули!

— Они же, мать их, тесаки мясницкие могут швырнуть! — возмутился Тео. — Тесаки, босс!

— Ну так заберете себе, помоеете и будете пользоваться, — отмахнулся Дуайт. — Я парень щедрый, процента за находку не потребую.

— Твою мать...

Делать нечего — парням пришлось прокачивать реакцию до предела. Теперь во время сетов они сканировали зал не хуже радаров, уворачиваясь от летящего мусора с грацией уличных акробатов. Кому охота подставлять лоб под шальной осколок?

Но однажды удача им изменила. Бутылка, пущенная из темноты зала, разлетелась вдребезги у самых ног Джеймса, и острый осколок полоснул его по щеке. На бледной коже проступила тонкая, но яркая полоса крови.

Ланс, стоявший рядом, побелел от ярости. Не раздумывая ни секунды, он сгреб с пола долетевший хлам и с силой швырнул его обратно в толпу. Отпихнув Джеймса себе за спину, он подскочил к стойке и взревел в микрофон:

— Какая сука это сделала?! А ну иди сюда, гандон трусливый! Вылезай на сцену, один на один, если яйца есть!

Джеймс замер с разинутым ртом.

"Охренеть, — пронеслось у него в голове. — И кто из нас после этого главный хулиган школы, которого каждую неделю песочат у директора?"

Разумеется, зачинщик драки благополучно слился и на рожон лезть не пожелал. Зато толпа взорвалась в едином экстазе. Зрители терпеть не могли терпимости к обидчикам, а вот подобный яростный отпор пришелся им по душе. Шоу вышло что надо.

Дуайт пребывал в полнейшем восторге. После закрытия он лично расщедрился на ужин для группы. Фирменные картофельные оладьи в клубе оказались потрясающими, и изголодавшийся за ночь Джеймс умял штук пятнадцать за один присест.

С того дня страх испарился окончательно. Парни поняли простую истину: трусость не вызывает уважения, она лишь развязывает руки подонкам. На любой выпад нужно отвечать ударом. Неважно, насколько ты силен — главное показать, что у тебя есть зубы и спускать дерьмо на тормозах ты не намерен.

Время от времени в зале вспыхивали потасовки. Самый жуткий махач случился месяц спустя: в воздух взмыли стулья, столы и тяжелые пивные кружки. Кто-то даже пустил в ход ножи — лезвия со зловещим свистом пролетали над головами музыкантов, заставляя их покрываться холодным потом.

Но группа, уже переродившаяся из пугливых цыплят в прожженных бойцовых петухов, даже бровью не повела. Они с абсолютным пофигизмом продолжали рубить злейший сет про смерть и насилие, только распалая дерущихся и щедро подливая масла в огонь царившего безумия.

На этот раз сдали нервы у самого босса. Побойще приняло угрожающие масштабы — мебель крушили в щепки, а на горизонте маячил наряд полиции с последующим закрытием заведения на карантин.

В панике Дуайт рванул к сцене, размахивая руками и истошно вопя:

— Заткнитесь! Кончайте играть, мать вашу! Стоп! Тормозите лавочку!

Джеймс лукаво прищурил зеленые глаза и, издевательски ухмыльнувшись, проорал прямо в микрофон:

— Не переживайте за нас, шеф! Истинный артист играет до последнего патрона, даже под шквальным огнем! Врубай перегруз, парни! Мочи козлов!

Толпа взревела от восторга. Бойцы в зале восприняли это как призыв к действию и принялись мутузить друг друга с утроенным усердием.

У Дуайта от злости едва инфаркт не случился. Понимая, что спорить бесполезно, он перешел на крик:

— Сыграйте что-нибудь потише, уроды!

— Что? Не слышу! — крикнул в ответ Джеймс. — Говорите громче, босс, не мямлите как девка!

— Я говорю, сыграйте медляк, сукины дети! Хватит подначивать этих дегенератов! Джимми, мелкий ты говнюк, ну погоди у меня!..

— Не зовите меня Джимми, — буркнул Джеймс.

Тем не менее, решив пощадить рассудок хозяина, он обернулся к парням и быстро перекинулся парой слов.

Спустя полминуты в зале воцарился форменный театр абсурда: под сценой месились до полусмерти, ломая кости и разбивая лица в кровь, а сверху лился благостный, чистый хорал «Аллилуйя».

На фоне проникновенных завываний о божественной любви...

Дерущиеся впали в ступор.

— Твою мать! Что за мудила там воет?! — донеслось из кучи-малы. — Заткните его кто-нибудь!

Что ж, угодить всем невозможно — таков закон жизни. Но именно в такие моменты ковалась их железная выдержка и умение держать удар в любой непонятной ситуации.

Да уж, рок-н-ролл — чертовски веселое дерьмо!

<http://bllate.org/book/19389/1959775>